

Тоска по империи

Каждый день после сиесты сеньор Родригеш сидит в кафе на улице Escolas Gerais города Лиссабона. Впрочем, кафе – всего лишь два пластиковых столика, выставленных в промежутке между трамвайными путями и стеной здания. Трамвайные пути пролегают так близко от столиков, что, когда из-за поворота появляется трамвай, сеньору Родригешу приходится убирать ноги подальше от рельсов.

Сеньор Родригеш выкуривает по пачке сигарет в день и выпивает минимум три чашки крепкого кофе.

– Когда-нибудь это убьет вас, – говорит ему сеньора Перейра, хозяйка кафе.

– Мы триста лет владели Бразилией, триста лет выращивали табак и кофе, – отвечает сеньор Родригеш. – Курить и пить кофе – все, что нам осталось от времен империи.

– Ну-ну. Поэтому в Португалии самая высокая смертность от рака, – парирует сеньора Перейра. – Ваша гордость будет стоить вам жизни.

– Нет-нет, от рака я точно не умру, потому что знаю один секрет.

Сеньор Родригеш улыбается и показывает картинку на сигаретной пачке:

– Я покупаю только сигареты с бесплодием.

Сеньора Перейра смеется.

Из-за поворота показывается трамвай, и сеньор Родригеш поджигает ноги.

– Курить – дорого, – обращается он ко мне. – Но я курю потому, что я португалец. Говорят, в России очень дешевые сигареты.

– В три раза дешевле.

– Путин – молодец, – говорит сеньор Родригеш. – Я уважаю Путина. Он напоминает мне Салазара.

Я мало знаю о Салазаре. Да и о Путине знаю немного. И Родригеш принимает мое молчание за скепсис.

– Салазара называют фашистом. Но так говорят те, кто не учил историю. Во Вторую мировую он спас тысячи евреев от концлагерей. Португалия удержала нейтралитет. Знаете, он спас Португалию... Теперь таких людей нет. Путин есть, но он все равно не Салазар... У него слишком тихий голос. Нда-а.

Сеньор Родригеш затягивается сигаретой и просит хозяйку:

– Можно еще чашечку? Кофе и табак... вот и все, что нам остается...

Чехов, геи, саудади и старая проститутка

У сеньора Родригеша есть маленькая рюмочная, где продается жинжа. Вечером я захожу туда, чтобы купить бутылку или опрокинуть рюмку-другую прямо на улице за высоким столом вроде тех, что стояли в советских чебуречных.

– Com fruta! – говорю я сеньору Родригешу на чистом португальском. И он добавляет в мою рюмку две-три вишни.

Сеньор Родригеш всегда наливает «с горкой», поэтому мостовая у входа в рюмочную липнет к подошвам. И так будет до самой осени, пока пятна ликера не смоют дожди.

Если других посетителей нет, то сеньор Родригеш просит рассказать что-нибудь о России. В первую нашу встречу он интересовался ценами на сигареты и алкоголь. Во вторую – снегом и морозами. В третью – просил посоветовать русского писателя с чувством юмора. Я посоветовала Чехова, и при следующей встрече сеньор Родригеш ответил:

– Это хороший писатель, но совсем не веселый. Мне кажется, он постиг саудади.

Думаю, со стороны португальца это больше, чем комплимент. Потому что saudade – непере译имое слово, обозначающее особую разновидность португальской тоски – то ли светлую печаль по ушедшему, то ли горькую ностальгию по будущему.

Сегодня сеньор Родригеш спрашивает:

– Правда, что в России не любят геев?

Я не знаю, как лучше ответить, чтобы не разрушить нашу хрупкую дружбу. Лично мне не нравятся геи. Они первыми отвернулись от женщин, поэтому и мне не за что их любить. Зато я симпатизирую лесбиянкам. Иногда я даже жалею, что не являюсь лесбиянкой. Это существенно упростило бы мою жизнь. Жить с женщиной намного приятнее, чем с мужчиной. Кроме того, с ней всегда можно договориться, а с мужчиной ни до чего договориться нельзя. Нельзя даже быть уверенной, что тебя вообще слушают, пока ты договариваешься.

– У нас запрещены однополые браки, – отвечаю я на вопрос.

– Это правильно, – говорит сеньор Родригеш. – От браков должны рождаться дети. В Португалии очень мало детей. Это страна стариков. Даже проститутки – и те старые. Я знаю одну, которой шестьдесят два года, и она все еще работает. Нет, не подумайте ничего такого. Мы с ней просто друзья. Паула часто заходит сюда выпить. Она и сейчас шикарная женщина. Шикарная и старая, как Лиссабон. В молодости у нее был хороший голос, она даже пела фаду. Знаете, я любил ее слушать. Я приходил слушать ее почти каждый день... Но потом Паула связалась с одним человеком и спилась, а он выкинул ее на улицу. Это была несчастная любовь.

Сеньор Родригеш вздыхает и напевает под нос что-то грустное и протяжное, прищелкивая пальцами, словно лоя в воздухе забытые слова.

– Н-да-а... – говорит он. – В Лиссабоне слишком много несчастной любви. Возможно, это из-за саудади... Или из-за экономического кризиса... Или потому, что это последний город на континенте. Дальше ничего нет. Здесь жизнь заканчивается.

Сеньор Родригеш стучит пальцем по столу. Как будто жизнь заканчивается именно здесь, в этой рюмочной, за этим столом.

– Нда-а. Только старики, геи и мигранты. Я почти не слышу детского смеха. Да и откуда ему взяться в таком месте?

Через несколько дней я застаю в рюмочной Паулу – громоздкую женщину с длинными зубами и отечным лицом пьяницы. Ее гепардовые брюки едва сдерживают натиск толстого зада. Криво подведенные брови разъезжаются к вискам. Одной рукой она прижимает к животу дешевую сумку из кожзама, а другой поправляет волосы – этот особый жест женщины, которая хочет понравиться, такой нелепый и жалкий в ее исполнении.

Но сеньор Родригеш не замечает всего этого. Он смотрит на Паулу с грустью и нежностью. Возможно, он видит свою молодость или слышит голос молодой фадишты. На краю континента. В месте, где обрывается жизнь.

Дом с ангелом

Этот трехэтажный дом в Альфаме – воплощение самого Лиссабона. Обшарпанный фасад с пустыми клетками отвалившегося изразца. Высокие арочные окна. Отсутствующие стекла кое-где заменены листами фанеры. По всей длине третьего этажа тянется общий балкон, днище которого тронута плесенью. У входа в подъезд – выцветшие буквы граффити, поверх которых нарисовано свежее – ангел с мультяшным лицом.

Дом кажется заброшенным. Но если приглядеться – в окнах второго этажа можно различить занавески. Там живет сеньора Гомеш – восьмидесятидвухлетняя старушка в ситцевом платье и толстых очках, последняя квартирантка.

В начале марта владелец дома Карлуш Сантуш получил прекрасное предложение от сети отелей Sweet

Ноте. Компания готова купить это здание при условии, что оно будет свободно от арендаторов. А сеньора Гомеш отказывается съезжать. У нее договор пожизненной ренты. И Карлуш ничего не может с этим поделать. Он даже не может поднять арендную плату. Так что сеньора Гомеш платит за квартиру тридцать евро, в то время как ее рыночная стоимость приближается к четыремстам.

Каждый понедельник Карлуша начинается с похода к сеньоре Гомеш. Он поднимается к ней по лестнице с печеньем в бумажном пакете и лицом человека, идущего на эшафот. Он трижды стучит в квартиру бронзовым дверным молоточком в форме руки, сжимающей шар.

– Сеньора Гомеш, – говорит Карлуш. – Вы подумали о той квартире? С видом на парк.

– Ах да, – говорит сеньора Гомеш. – Это хорошая квартира. Мне особенно понравилась душевая кабина. Для моих лет это очень удобно. А то я всегда боюсь поскользнуться, когда выбираюсь из ванны.

– Так вы переедете?

– Ох, Карлиньюш. Это далеко от нашего района. Ведь я прожила здесь большую часть жизни. Я помню тебя вот таким мальчиком... И потом, как же я брошу Ракель?

– Вы доедете до Ракель за двадцать минут. Я могу оплачивать вам такси... Я ведь говорил, что квартплата останется прежней? У вас будут лифт и кондиционер. И никакой плесени! Вы сможете гулять в парке... И, конечно, пользоваться душевой кабиной... На новом месте вам будет гораздо лучше!

– Ох, Карлиньюш. Над этим надо серьезно подумать, – говорит сеньора Гомеш. – Такие вопросы быстро не решаются.

Покинув дом с ангелом, Карлуш отправляется в бар к своему другу Томашу выпить пива.

– Эта ведьма никогда не съедет, – жалуется Карлуш, чуть не плача. – Я уже два месяца предлагаю ей варианты. Один другого лучше. Но она только песок в глаза сыплет.

– Она такая старая. Не будет она жить вечно, – отвечает Томаш.

– Может, и меня переживет, – говорит Карлуш. – У меня сегодня утром давление было под двести. Бессонница. И я снова начал курить. А я ведь полгода держался, ты помнишь. Как же мне нужны эти деньги! Заплатить долги. Отдать Себастьяно в частную школу. Нанять репетитора по музыке для Марисы... Мы с тобой могли бы открыть большой бар или клуб. У тебя – опыт, у меня – деньги...

– Помечтаем, когда разбогатеешь, – говорит Томаш.

Карлуш допивает пиво и хлопает себя по карманам.

– Запишешь на мой счет? – просит он.

– Твой дом стоит три миллиона евро, а ты не можешь заплатить за пиво, – говорит Томаш с усмешкой и принимается протирать барную стойку. Удивительно, что бармены всех национальностей и стран делают это совершенно одинаково.

В понедельник Карлуш снова идет штурмовать сеньору Гомеш. Он показывает ей фотографии новой квартиры: с мебелью, большим телевизором и, главное, всего в шести остановках отсюда. Сеньора Гомеш внимательно разглядывает распечатанные на цветном принтере снимки, затем снимает очки и произносит:

– Прости, Карлиньюш. Но я не могу. В этом доме мы прожили с Педрито сорок семь лет. Видишь эти зарубки у двери? Это росли мои дети... Слева – Педрито младший, а справа – Домингуш. В этом районе все меня знают. Я всегда покупаю молоко у Ракель и могу поговорить с булочником о здоровье: мы вместе сидим на особой диете без соли. И если я беру в магазине много овощей, то Розалинда доносит мои сумки прямо до двери. Это так

много значит в моем возрасте. Я уже не молодая женщина. Позволь мне умереть в этом доме, Карлиньюш...

Но Карлуш не слышит ее объяснений. Он понимает только одно: старая гримза не съедет. От усталости, бешенства и бессилия он начинает плакать. Дальше все происходит как будто во сне. Неожиданно для себя Карлуш говорит такое, что совсем не собирался сказать. Он слушает себя как будто со стороны, удивляясь, как страшно и убедительно звучит его голос.

– У моего маленького мальчика, – говорит Карлуш, – у моего Себастьяно нашли опухоль. Если я не продам дом, я не смогу достать деньги на операцию и лечение. И если он умрет, сеньора Гомеш, это будет на вашей совести.

Через день сеньора Гомеш съезжает.

Завершение сделки Карлуш праздновал в баре у Томаша, куда мы с Мариной случайно забрели. В честь радостного события каждый посетитель бара, включая нас, получил пиво за счет заведения. И, знаете, это было прекрасное пиво.

– Закон о пожизненной ренте давно пора отменить, – говорил Карлуш. – Я не знаю, куда смотрит правительство. Этот закон губит архитектуру города!

В общем, мы провели время очень весело. С игрой на гитаре, пением и танцами. Португальцы – удивительно музыкальный народ.

Только конец вечера оказался слегка испорчен. Потому что в бар явилась Ракель из молочной лавки и сообщила, что сеньора Гомеш умерла.

– Вы, конечно, не виноваты, – сказала она Карлушу. – Но старики не живут долго на новом месте – гибнут, как срезанные цветы.

Подумать только, обыкновенная продавщица молочной лавки – и говорит такими метафорами.

Что касается дома с ангелом, то он превратился в отель для среднего класса. Весь фасад выложили новой плиткой, заменили окна, передвинули межкомнатные стены. Единственное, что решил оставить дизайнер, – бронзовые дверные молоточки в форме женской руки, сжимающей шар. Он сказал, что аутентичная деталь из прошлого совсем не повредит.

Любовь до гроба и после

Эта парочка из Ижевска не давала покоя всему автобусу. Лет им было за тридцать. Он – коренастый блондин в шортах, с поясным кошельком под пивным животом, на котором растягивалась надпись «Самый вежливый из людей». Она – стройная брюнетка с вытатуированным под ключицей курсивом *Life is beautiful*.

– Когда еще мы приедем... – бубнила девушка. – Такой ювелирки нигде не будет. Это чисто португальская техника, филигрань, блин, Вадик... Когда ты в последний раз дарил мне ювелирку? Вообще ничего не дарил уже лет пять.

Вадик протяжно вздыхал:

– Ну че ты быкуешь, Свет? Есть у тебя ювелирка. Хорош уже быковать. Достала.

– Давай хотя бы тарелки с рыбами купим. Ручная роспись, блин, Вадик. Придут Сорокины, а у нас тарелки с рыбами из Португалии. Не все же из пластика шашлыки жрать.

– Есть у нас тарелки нормальные. Реально достала, Свет.

Когда автобус остановился в Алькобасе, наша группа с облегчением вывалилась на улицу и поспешила к распластавшемуся на полгорода монастырю, который и был

целью поездки. Но даже в монастыре до меня то и дело доносилось эхо, умноженное стрельчатыми сводами: «Не быкуй, Света, че ты быкуешь, Свет?!».

У двух саркофагов из белого мрамора мы остановились. Над резными фигурами умерших склонялись шесть белоснежных ангелов.

– Здесь покоятся Педро Первый и его возлюбленная Инеш! – объявила экскурсоводша.

– Ха, П-пэдро! – раздался знакомый мужской голос.

– Это была великая история любви, – сказала экскурсоводша, повысив громкость. – Будучи наследником престола, Педро женился на принцессе Констанце Кастильской. Это был династический брак по расчету. Но среди фрейлин невесты находилась знатная дама Инеш, которую Педро полюбил с первого взгляда и которая ответила ему взаимностью. Когда Констанца скончалась от родов, Педро перестал скрывать свою любовную связь. Он поселил Инеш во дворце, и у них родилось трое детей. Однако отец Педро, король Португалии, так и не принял незаконные отношения сына. И однажды, воспользовавшись его отсутствием, распорядился убить самозванку.

В группе кто-то протяжно вздохнул.

– Когда Педро узнал о произошедшем, – продолжила экскурсоводша, – он пришел в ярость и собственноручно вырвал сердца у убийц возлюбленной. Взойдя на престол, первое, что сделал Педро, – объявил о своем решении жениться на Инеш, тело которой к тому времени шесть лет пролежало в склепе. Ее останки извлекли на свет, переодели в свадебное платье и посадили на трон. Педро заставил всех придворных присягать мертвой королеве, целуя то, что осталось от ее руки. Так любовь победила смерть.

В образовавшейся тишине мы услышали всхлип. Это плакала Света.

– Ох, я бы все отдала, чтобы меня так любили, – сказала она, вытирая слезы. – Блин, Вадик, ты никогда не будешь меня так любить. Ты даже жениться на мне не можешь.

На обратном пути в автобусе было тихо. Света отсела от Вадика в свободное кресло передо мной и невидящими глазами смотрела в окно на мелькающие мандариновые рощи.

Когда автобус остановился у магазина пробковых изделий и группа ринулась закупаться кошельками и обувью, Света осталась в салоне. И Вадик перебрался к ней. Около минуты он просто молчал, собираясь с духом. А потом легонько толкнул ее локтем:

– Блин, ну Свет! Да люблю я тебя. Ну нет у меня столько денег на твою филигрань. С тобой, знаешь, тоже не просто. Быкуешь все время, блин!

Света не поворачивалась.

– Я тебя больше, чем Педро, люблю. Я это... не буду дожидаться, пока ты помрешь, я на тебе живой женюсь. Ну смешно ведь сейчас пошутил, скажи, Свет!

Вдруг Света из Ижевска прыснула, повернулась к Вадиду и спросила:

– Че, правда, что ли, поженимся?

– Сразу, как вернемся, – заверил Вадик.

Света еще раз всхлипнула, но уже от радости, и уткнулась ему в плечо.

Сеньор До свидания

Я прекрасно запомнила его еще в первую поездку в Лиссабон. Седой, высокий, в длинном черном пальто и очках в черной пластиковой оправе. Он был очень опрятен и не походил на городского сумасшедшего. Чаще всего он «дежурил» в районе площади Салданья. Но я также видела его в Белеме и у Маркиза де Помбала.

Он стоял на тротуаре и махал проезжающим машинам. Иногда посылал воздушные поцелуи. Иногда машины сигналили ему в ответ или притормаживали. Это длилось не один час. Пожилой сеньор смотрел на дорогу и махал. Не в общем, а адресно – иногда наклоняясь, чтобы разглядеть лицо водителя.

Я видела машущего сеньора так часто, что перестала ему удивляться. Он просто слился с ландшафтом, стал частью города, как черно-белый орнамент кальсады, как стены зданий, покрытые изразцом.

Пять лет спустя я приехала в Лиссабон со своим парнем. Целую неделю мы колесили по городу, но нам ни разу не встретился машущий сеньор.

Я спросила про него у хозяина кафе, в котором мы допоздна засиделись.

– О, *senhor do Adeus* (сеньор До свидания)! Конечно, знаю. Он умер.

– Как жалко.

Хозяин печально улыбнулся:

– Но все-таки вы можете его увидеть. Жители города поставили ему памятник.

– Мы обязательно к нему ходим, – сказала я.

– А этот машущий сеньор был чем-то знаменит? – спросил мой парень.

– Не знаю, – сказал хозяин кафе. – Кажется, ничем дополнительно.

– А как его звали по-настоящему? – снова спросил мой парень, открывая страничку Google в смартфоне.

– Не знаю, – ответил хозяин. – Все называли его сеньор До свидания.

– Вы хотите сказать, что ему поставили памятник за то, что он просто махал машинам? И ничего больше?

– Иногда очень важно, чтобы вам просто помахали, – укоризненно заметил хозяин кафе.

– По-моему, какая-то ерунда, – сказал мой парень.

После этой поездки мы расстались. Разве можно жить с человеком, который не понимает таких вещей?

На «Ютубе» есть одно видео (https://youtu.be/ZiVlSmYe_1Q) – кто-то из местных снял сеньора До свидания скрытой камерой. В часы хандры и одиночества я люблю пересматривать его. Все-таки очень важно знать человека, который помашет тебе рукой.